

Лондонский сезон

Подводя итоги минувшего сезона, можно назвать цифру: 100 новых постановок в лондонских театрах. Внушительность эта, однако, мнимая. Вот, что в действительности скрывается за этим рекламным «итогом сезона».

Нескромный поток пустых, пошлых пьес, детективных комедий и фарсов; спектаклей, молниеносно сменяющих друг друга, разыгранных временными труппами, насмех сколоченными для какой-либо постановки; потогонная система труда; почочия за барышом, как единственный метод творчества.

Самыми модными в минувшем сезоне были так называемые «пьесы ужаса». Жанр этот переключался из Голливуда сперва на американскую сцену, а затем и в Англию, с готовностью воспринявную и этот вид приудительного ассортимента к «плану Маршалла». Постановленная в театре Феникс и широко разрекламированная прессой пьеса Джорджа Брили «Доктор Анджелус» — один из самых характерных примеров «драматургии ужаса».

Доктор Анджелус, преступник, приклядающийся святошей, считает, что жена и тесть мешают полному раскрытию его личности, и решает от них избавиться. Первой жертвой становится отравленная им тесть, причем невольным пособником Анджелуса оказывается его ассистент — молодой врач Джонсон. С помощью психиатра Анджелус заставляет Джонсона подписать свидетельство о смерти тещи. Однако, несмотря на бурное отчаяние, демонстрируемое Анджелусом после смерти тещи, у его жены, как и у Джонсона, возникают некоторые подозрения. Личные переживания Анджелуса рассеивают беспокойство жены, у которой появляются те же болезненные симптомы, что и у ее матери. А своего молодого помощника Анджелус подбивает в ночь, когда должна наступить смерть жены. Джонсон засыпает у постели больной и, проснувшись, находит ее мертвой. На этот раз молодой врач не скрывает своих подозрений. Понимая, что ему грозит разоблачение, Анджелус пытается устранить и своего помощника. Над его бесцельным телом он произносит монолог, в котором с воодушевлением излагает причины, побуждавшие его совершить и это преступление. Пьеса заканчивается появлением полиции, «сериализу-

А. КУБИЦКАЯ

щей акт правосудия. В невменяемом состоянии доктор Анджелус выкрикивает проклятия и бессвязные оправдания.

Так тривиальный детективный сюжет американского образца, попав на лондонскую сцену, усложнился типичным для современной английской драматургии «психологизмом». Другой образец психологической «драмы ужаса», претендующей к тому же на некую «философскую» глубину, — пьеса Олдоса Хаксли «Улыбка Джоконды», поставленная в «Новом театре». Вот ее сюжет. Молодая женщина убивает своего подругу, в мужа которой она влюблена; затем, когда ни в чем не повинный человек, подозреваемый в убийстве, попадает на скамью подсудимых и ожидает казни, героиня, движимая ревностью к его второй жене, с садистическим наслаждением смакует перспективу его гибели.

Пьесы, подобные «Доктору Анджелусу» и «Улыбке Джоконды», детективные мелодрамы типа «Нууз» (посвященной английским гангстерам) или «Четыре часа для убийства», американские музыкальные комедии вроде «Радуга Финниана» (театр Паллас), — вот что реально скрывается за рекламной цифрой 100 новых спектаклей лондонской сцены.

Чрезвычайно заманчиво, что наиболее талантливые английские актеры, видимо, не желая участвовать в этой массовой фабрикации салютных и пошлых зрелищ, обратились к классике. Лучший английский театр «Олд Вик», единственный в стране театр с более или менее постоянной труппой, не поставил в прошедшем сезоне ни одной современной пьесы. «Укрощение строптивой», «Ричард второй» и «Кориолан» Шекспира, «Святая Иоанна» Шоу и бессмертная комедия Гоголя «Ревизор» — вот репертуар самого популярного в Англии театра, где играют такие превосходные актеры, как Лорене Оливье и Ральф Ричардсон.

Если господствующее место в английском театре принадлежит пьесам, то меткому выражению лондонского критика, «сореволюционеры с Голливудом в изображении неспаленных умов», то рядом с ними надо по-

ставить пьесы, претендующие на злободневность и дающие ложное освещение современной жизни. Используя интерес зрителей к сюжетам, близким к действительности, драматурги, как бы походя, затрагивают насущные вопросы существования, направляя все свои усилия на разработку анекдотических подробностей. Когда же драматурги серьезно берутся за современную тему, перед ними встает мрачная картина распада и деградации, пессимизма и страха перед будущим.

Одной из лучших пьес на послевоенную тему, по единодушному мнению критики, была пьеса Пристли «Семейство Линденов», в которой перед зрителем предстала жизнь сегодняшней Англии, взгляды, настроения мелкобуржуазной семьи. И хотя в «Семействе Линденов» Пристли пытался еще всеми силами оправдать английское «социалистическое правительство», бодро приветствуя его «новые преобразования», все же пьеса получилась печальной, так как автор не смог скрыть своего разочарования в послевоенном устройстве Англии. Это поняли некоторые театральные критики, оценившие «Семейство Линденов», как пьесу «о сегодняшнем дне, представляющую перечень страданий и тонкий радочный надежд».

Но если Пристли, опытный талантливый драматург, изображая частный эпизод, сумел притти и к известным обобщениям, то другие авторы, обращаясь к современным темам, как правило, облекают их в форму веселой комедии, а то и легкого фарса, с неумолимо благополучным концом.

Такова комедия Бингхэма «Человек из министерства». Герой этой пьесы — демобилизованный сержант Генри Браун, которому негде жить: Не видя другой возможности преодолеть бюрократические рогатки и проникнуть в министерство реконструкции, он попросту через окно влезает в кабинет соответствующего лица. Там он встречается секретаршу, увлеченную из-за неспособности выполнять служебные обязанности. Совместно с этой девятилетней секретаршей крадет официальные бланки министерства, с помощью которых они осуществляют строительство поселка в 500 домов. В финале пьесы «благоразумные» власти, вместо того чтобы покарать предпринимательского нарушителя законов,

чествуют его, благо вор был движим благородными побуждениями.

Таким образом в пьесе Бингхэма замалчиваются и фактический провал жилищного строительства и реконструкции городов в послевоенной Англии, и серьезные пороки английской бюрократической системы.

Намек на сатиру, не получивший, однако, дальнейшего развития, содержится и в комедии Дугласа Хоум «Сотни Чильтернов». Сын старого аристократа, потерпев поражение на выборах в качестве кандидата консерваторов, решает снова попытаться счастья, но уже... от лейбористской партии. Эта, казалось бы, острая сатирическая ситуация сводится на нет чисто водевильным разрешением конфликта: неожиданным противником лейбориста оказывается его двоюродный, ярый реакционер, по убеждению — истинный консерватор.

Проблема воспитания, крайне острая для современной Англии, в связи с неудачей педагогической реформы, вызвала целую серию пьес, описывающих нравы школ и колледжей («Подопытная свинка», «Мальчик из семьи Уинслоу», «Мальчики в корричневом», «Темные годы» и др.).

Весьма показательны в этом отношении пьесы, написанные Ноэлем Лэнгли и сотрудничество с актером Робертом Морли, «Эдвард, мой сын». Конфликт пьесы ограничен рамками одной буржуазной семьи. Однако он имеет более широкое социальное значение, поскольку судьба героев и их поведение целиком определяются той средой, в которой они действуют. События пьесы охватывают период в 28 лет; за это время счастливая, безмятежная семья Холтов постепенно превращается в союз людей, ненавидящих друг друга, отягощенных преступлениями, душевно опустошенных, разбитых, несмотря на добытое ими богатство. Начав свою карьеру в качестве мелкого агента по скупке земельных участков, Арнольд Холт после первой мировой войны становится могущественным и жестоким магнатом, располагающим крупным капиталом. Сюжетным стержнем пьесы является безграничная слепая любовь отца к сыну, ради которого он идет на преступление, ради которого он разрушает свою семью. Представленная в прологе зрителю, Арнольд Холт говорит: «Вы увидите, почему я стал негодяем, — из любви к моему сыну Эдварду». Когда Эдвард был ребенком, отец, чтобы заплатить за его лечение, совершил подлог, затем он интенифицировал директора шко-

лы, чтобы предотвратить исключение Эдварда из колледжа. Он загубил жизнь жены, которую своим цинизмом и развращенностью довел до того, что она стала алкоголиком, принес в жертву любовницу, так как скандал грозил карьере сына. Он готов был на все, чтобы предоставить Эдварду те преимущества, которые можно купить за деньги. Естественно поэтому, что из Эдварда вырастает эгоист и негодяй. И хотя сам Эдвард так ни разу и не предстает перед зрителем, что значительно усиливает мрачный колорит спектакля, в конце пьесы известие о его гибели на войне воспринимается как закономерное завершение распада семьи.

Таков репертуар современного английского театра и таков полнотный итог минувшего сезона, по поводу которого лондонская пресса напечатала немало рекламных статей.

Вместе с тем необходимо отметить ипирожный интерес английской театральной аудитории к подлинно социальной проблематике. Об этом свидетельствует большой успех, выпавший на долю пьес, разоблачающих современную американскую «демократию», — «Глубокие корни» Гоу и д'Осса и «Все мои сыновья» Артура Миллера (пьеса Миллера, как известно, запрещена американскими властями к постановке в Европе, так как в ней разоблачается заинтересованность американских дельцов в войне, как средстве наживы).

Большое внимание вызвала пьеса К. Симонова «Русский вопрос», показанная прошлой осенью лондонским театром «Юнгит» (левый театр, выросший из рабочей самодеятельности). Этот спектакль привлек к себе широкую аудиторию, профессиональные и «общественные» общества устраивали коллективные посещения «Русского вопроса» для своих организаций.

В апреле 1948 г. тот же театр «Юнгит» поставил другую пьесу К. Симонова — «Так и будет», вызвавшую оживленные отклики в английской прессе. Характерно, что даже реакционная печать противопоставляла светлый оптимизм и веру в будущее, свойственные героям советской пьесы, душной атмосфере современной английской драматургии. «После полудня недели спектаклей, от которых не было перестановки, страдания, крупнейшей надежды и смерти», — писала газета «Рейнольдс Ньюс», — пьеса Симонова «Так и будет» оказалась струей свежего воздуха, которая нам так необходима. Было отчаяние услышать, что сцена используется для утверждения веры в жизнь...»